

Сила художественного реализма

К гастролем таганрогского драматического театра имени Чехова в Ростове

Мы смотрим спектакль «Иванов» не в первый раз, и все же волнуемся, все же ловим себя на том, что сейчас, в эти минуты, когда мы сидим в зрительном зале, нашими чувствами владеет проникновенное театральное искусство. Последний раз опускается занавес. Мы покидаем зрительный зал. Идем домой не спеша. Нам хочется помолчать, чтоб не заглушать наших взволнованных спектаклем мыслей и чувств. Нам хочется разобраться во всем том, что мы видели на сцене, и перед нашими глазами с той же влекущей к себе силой художественной правды встают одна за другой сцены спектакля, такого искреннего, такого человеческого.

Мы хорошо знаем творческий коллектив таганрогского драматического театра. Мы сроднились с ним и полюбили его за молодость, за яркое чувство, за тонкий артистизм.

Театр создал ряд подлинно художественных спектаклей. Обширная галерея ярких сценических образов предстает перед нами, когда мы вспоминаем эти лучшие постановки.

Вот Николай Алексеевич Иванов. Этого неперемного члена присутствия по крестьянским делам умно и впечатляюще играет артист Лавров. Он следует за Чеховым, хорошо понимая смысл слов великого драматурга: «Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью. Они теряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и, в конце концов, дав волю своим рыхлым распухшим нервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд надломленных». Вот откуда у Лаврова берется

вся эта подавленность духа, этот разлад мысли и чувства, этот внутренний разброд, характерный для людей восьмидесятых годов, проповедывавших теорию «малых дел».

Прислушаемся к голосу артиста. Он, как пламя на ветру: то поднимается в потах протеста, то опускается, превращаясь почти в попот, когда произносятся слова бессилия, уныния, упадка. Посмотрим в глаза артиста. В них такая глубокая, такая неотступная, иссушающая душу тоска. Взглянем на его руки. Они говорят. Они убеждают. Они рассказывают о том, что у человека больше нет в жизни ясного пути. Человек взвалил на свои плечи непосильную ношу и надорвался.

Незабываема сцена разговора Иванова с самим собою. Человек остался наедине со своей совестью. И вот на этой встрече он понимает, что находится перед совестью в большом и неоплатном долгу. Эту сцену Лавров разыгрывает с той силой театральности, которая идет к сердцу зрителя по самому кратчайшему пути.

Встав перед своей совестью, согбенный тяжестью духовного разброда Иванов — Лавров произносит: «Нехороший, жадный и ничтожный я человек. Как я себя презираю! Боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли... А теперь, о, Боже мой! Утомился, не верю, в бездельи провожу дни и ночи». Эти слова внезапно повисают в наступившей тишине. На сцене вступила в свои права знаменательная чеховская пауза. И вдруг разрядка —

страшная, как смертный приговор, Лавров произносит глухим голосом: «Не слушаются ни мозг, ни руки, ни ноги».

Нет, нельзя забыть этот образ, мастерски вылепленный артистом Лавровым!

Анна Петровна — жена Иванова. С какой обаятельной грацией, с каким изяществом исполняет эту роль артистка Вигулярная. В этой протестной, молодой женщине она раскрыла богатый духовный мир. Анна Петровна строга к себе, способна на самоотверженную любовь и никогда не вступает в сделку со своей совестью. Прелестная, овеянная духом правды игра Вигулярной сближает нас с Анной Петровной, и мы делим с ней ее страдания, ее горе.

Тонкий рисунок графа Шабельского создал артист Глазырин. Посмотрите на этого старичка, еще не утратившего желание жить весело, беззаботно, шумно. Какое богатство сценических красок! Граф и жалок и смелок. Как хорошо, без тени гротескового преувеличения, Глазырин показывает нам подлинного Шабельского. А разве можно пройти мимо игры артиста Волкова, умно воплотившего образ ловкого плута и циника Боркина! Это тонкая актерская работа, на которой лежит печать высокого сценического искусства.

Вот чеховские «Три сестры». Театр долго и упорно работал над этим спектаклем, раскрывая глубокое содержание пьесы, отыскивая для этого самые яркие и убедительные сценические формы. И спектакль наполнился живой кровью, обрел широту чувств и глубину мыслей. Да, это

истинно чеховский спектакль! Здесь бьется взволнованное человеческое сердце. Здесь переплетены самые тончайшие нити эмоций.

Вот Маша — одна из сестер. Солодова искренне, с обаятельной простотой исполняет эту роль. Вспомним: разве не потрясла нас талантливой артистка, когда мы смотрели ее Машу, такую обаятельную, всем своим молодым существом стремящуюся к счастью?! Разве мы не чувствовали все, что происходило в душе Маши, понявшей, что она любит и теперь любима?! Мы увидели истинно чеховскую Машу. Она заставила нас размышлять и волноваться. Это ли не лучшее доказательство одаренности артистки?! Это ли не лучшая награда для нее?!

«Три сестры» — подлинно чеховский, актерски зрелый спектакль. Он выражает глубокое сочувствие к страдающему человеку и твердую веру в хорошее будущее. У Ольги (Н. Подвалова) на глазах дрожат слезы. Тяжкую тоску выражает взор Маши, устремленный куда-то вдаль. Грусть на лице Ирины (Л. Антонюк). И все же три сестры хотят жить светло и радостно. Они охвачены верой в то, что жизнь будет хорошей. Вот почему таким животворным огнем загораются их глаза, когда они говорят о будущем, вот почему так страстно и убежденно звучат их прекрасные и чистые слова о предстоящей человеческой жизни.

Когда мы вспоминаем спектакль «Три сестры», когда перед нами проходит Ольга, Маша, Ирина, Андрей (И. Штейнрайх), Тузенбах (Ю. Сазонов), Вершинин (А. Глазырин), Чебутыкин (В. Волков), мы вспоминаем, как искренне мы сочувствовали всему чистому, благородному, честному, что заложено Чеховым в этом шедевре русской драматургии.

Продолжая наш краткий обзор,

наше движение по галерее спектаклей и образов, созданных творческим коллективом таганрогского театра, мы останавливаем свое внимание на спектакле «Последние». Воспитанный на драматургии Чехова, театр, однако, не погрешил и против сложных особенностей драматургии Горького.

«Последние» — это произведение глубокой мысли, беспощадно разоблачающей растленную мораль остатков дворянского класса, цепляющегося за колесо истории.

Театр сценически воплотил пьесу «Последние», создав реалистический спектакль острой мысли и высокого накала страстей. Большая заслуга театра в том, что он встал вровень с горьковским замыслом. Все, что происходит в доме Коломийцева, этого последнего дворянина, театр истолковал не как семейную драму, а как страшный социальный конфликт, знаменующий гибель дворянского общества.

Театр, следуя мысли Горького, со всей реалистической ясностью и убедительностью показал картину разрушения личности «последних», их обнаженный цинизм и откровенную пошлость.

В спектакле «Последние» много волнующего, много того, что заставляет верить всему сценическому действию. Яркий образ Ивана Коломийцева создал артист Лавров. Он дает нам понять, что этот последний дворянин надел мундир полицейского для того, чтобы спастись от краха, который его поджидает ежедневно на всех путях и перекрестках жизни. В игре Лаврова сквозит мысль о том, что Иван Коломийцев совершает свои преступления перед всеми честными людьми не потому, что он по природе злой человек, а потому, что он — человек низкой морали — не чувствует

всей потрясающей подлости своих дел. Да, это не грубость характера, не проявление плохого воспитания. Это состояние аморализма, одичания, цинизма. Это распадение человека. Лавров — Коломийцев громко говорит, нервничает, машет руками. Все это обретает у артиста символический характер. Он показывает, что Иван Коломийцев, боясь наступающей против него жизни, хочет запугать ее криками и размахистой жестикующей, хочет доказать, что он еще силен, что он еще повоюет.

Тяжкое горе оскорбленной жены и обиженной матери раскрыла в Софье Е. Солодова. И здесь одаренная артистка, несмотря на большую трудность исполнения этой роли, не погрешила против истинного сценического искусства, против правды человеческих чувств. Она явила перед нами женщину, горе которой увеличивалось сознанием своего бессилия противостоять развалу семьи, бороться против этого трагикомического балагана, где прочно поселились все человеческие пороки.

Если говорить о больших удачах спектакля, о самых ярких его образах, то одной из таких удач является доктор Лещ. Артист В. Волков скуп в средствах театральной выразительности. Но как много актерской мысли таит в себе эта скупость! Когда смотришь на Леща — Волкова, то понимаешь, что для этого человека цинизм — высший закон, категорическое веление его духа, верное средство его житейской благополучия. Лещ — покровитель дома. Он вдохновляет, учит, ведет за собой маленькое стадо двуногих животных: Ивана Коломийцева, его сына — Александра — отъявленного подлнца и дочь Надежду — циничную хищницу.

Этот спектакль украшен также образами Петра (Ю. Сазонов) и Веры

(Т. Вигулярная). Со сцены веет на нас горячее чувство, живой темперамент, диссонирующий с духом мрачной застойной жизни дома Коломийцева. Игра Вигулярной отмечена проникновенной искренностью.

Перечень спектаклей и ярких реалистических образов, созданных таганрогским драматическим театром имени Чехова, был бы не полным, если бы мы не упомянули постановку «Далеко от Сталинграда», в которой мы видим советских людей, новаторов, ведущих борьбу с равнодушием и самоуспокоенностью. Спектакль дышит современностью. В основном удачен образ директора завода Осередько (артист А. Глазырин). Человека передовой мысли, дерзновенного новатора — парторга Орлова хорошо показал нам артист С. Лавров. Орлов стоит в центре спектакля, и это образует его идейно-художественную силу. Творческий коллектив театра показал, что он способен правильно решать задачи, которые поставлены перед советским сценическим искусством.

Великий русский драматург и знаток театрального искусства Островский сказал: «Чтобы зритель остался удовлетворенным, нужно, чтоб перед ним была не пьеса, а жизнь, чтобы была полная иллюзия, чтоб он забыл, что он в театре». Проверим себя, когда мы находимся в зрительном зале, и мы убедимся, что спектакли этого молодого коллектива, даже с теми недостатками, которые в них были заметны, заставляли нас забыть, что мы в театре. Мы видели жизнь, воссозданную одаренной театральной молодежью. Она волновала нас. Она учила. Это ли не яркое знамение роста нашей театральной культуры?! Это ли не блестящее доказательство силы советского театра?!

И. БРАЙЛОВСКИЙ.

1 OKT 1947

МОСКОТ

г. Ростов на Дону